

ФАИНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ Раневской написана довольно много статей, можно сказать, о ней существует целая литература. Авторы

этих статей, казалось бы, взялись за неразрешимый спор. Всех их в первую очередь интересует и всем им необходимо ответить на вопрос — какая же она актриса? Трагическая или комическая? Мнения явно разделились. Определенно комическая, утверждают одни. И приводят убедительные тому доказательства. Нет, утверждают другие, это трагическая актриса, и, естественно, приводятся послужной список, состоящий из трагических ролей Фанны Раневской. И лишь в нескольких статьях, авторы коих знают все ее роли, она именуется актрисой трагикомического плана. Наконец, нередко, чтобы не путаться в терминах, называют Раневскую нейтрально-характерной актрисой. Но насмешливый голос одного из замечательных партнеров Фанны Григорьевны — О. Н. Абдулова — отверг и это амплуа: «Характерная актриса? Чепуха! Это целая труппа!»

Я помню, как на сцене Театра Красной Армии Раневская сыграла Вассу Железнову. Я знала и видела,

Я помню, как на сцене Московского театра драмы Раневская сыграла Берди в «Лисичках» Л. Хеллман. Хорошо запомнились две сцены. Берди — Раневская играет на рояле «Песню без слов» Мендельсона. Их много, «песен без слов», но я помню именно ту, которую играла Берди. Как-то особенно «исполняла» она эту музыкальную пьесу, и вся Берди «высказалась» в ней.

В Берди—Раневской много детского, но оно «выступает на поверхность», как соль на морском берегу, когда Берди идет на окрик Оскара Хаббарта. Сколько раз он одергивал ее, зло кривя губы, и сколько раз она, взорвавшая женщина, по-школьничьи опустив глаза и вобрав плечи, шла к нему. Но однажды она пошла на его «зов» как-то совсем иначе.

Как, какими средствами пользовалась актриса, чтобы мы, зрители, уловили этот оттенок, этот полутон? Нет, она не изменилась внешне; и сегодня, когда перечитываешь рецензии на этот спектакль Московского театра драмы того времени («Лисички» были поставлены в 1945 году), диву даешься, как по-разному описана эта сцена у разных критиков.

Я не помню сейчас и с уверенностью не могу сказать, сторбилась или распрямилась в этот момент Ранев-

ские смогли пронести через пятьдесят долгих лет жизни под одной крышей.

Фанна Григорьевна Раневская играет этот «наивысший момент напряжения» в иной сцене — в сцене объяснения с сыном, от которого она ждала помощи. Джордж, мучаясь и стыдясь перед самим собой, ненавидя свою жену, которая властно подталкивает его на преступление перед родителями, вот сейчас... скажет ей, своей матери, тихой и кроткой, вот сейчас, собрав все силы и всю волю, он скажет ей, что она не будет жить со своим мужем, что она не останется в доме своего первенца, а должна будет навсегда перебраться в приют для престарелых. Но Люси Купер так любит своего сына, что избавляет его от неприятного разговора и сама принимает решение уйти. Делает она это настолько великодушно, настолько просто и естественно, что любой на месте Джорджа предпочел бы, чтобы его жестоко избили в этот момент, лишь бы не слышать этот бархатный голос, не видеть эти глаза, полные любви и тревоги за сына, жалости к нему, эрцгерцогство и слабостью эгоисту.

Всегда, когда я вижу Раневскую на сцене, я не могу сказать, какими приемами, какими актерскими ходами и изобретениями она достигает такой выразительности и

ваит их крах, что неожиданно поднимается до высокого общения, до величия, до гобсексовского.

Роза Скороход, «Бабуленька», некогда сыгранная в «Игроке», Москалева в «Дядюшкином сне» (я умышленно говорю сейчас об отрицательных образах) — все они пропущены через чудесный преобразующий инструмент — личность Фанны Григорьевны Раневской. И эта личность апеллирует к залу, даже если роль сыграна на экране. Удивительным образом и в кино не перестаешь общаться с Раневской, хотя всем известно, что это привилегия и огромное счастье театрального искусства. Тем большее счастье дарит нам актриса, когда играет цельные человеческие характеры. Об одной такой роли мы уже говорили — о Люси Купер. Есть и еще одна — роль миссис Сэвидж.

По общему признанию и по замыслу самого автора — Д. Патрика, пьеса «Странная миссис Сэвидж» — камерная, бытовая. Однако в исполнении Ф. Г. Раневской есть и гротеск, и даже в какой-то момент элементы буффонады. В ее глазах светятся лобопытство к жизни, веселый юмор, озорство и молодость много повидавшей и все понимающей старой женщины. Она отомстила своим детям и тайно от них продала все

«...ЭТО ЦЕЛАЯ ТРУППА!»

профиль артиста

что Васса Железнова ненавидит своих детей, я видела, как она жестоко и нетерпимо властна.

Память — не затонувший корабль. Ее нельзя поднять со дна времени и «восстановить» или хотя бы разобрать на детали и снова пустить в дело. Что уцелело, то уцелело. В моей памяти уцелело сочувствие Вассе. Я странной, непостижимым образом была на ее стороне, и, когда она умирала, я не ощущала радости освобождения, раскрепощения оттого, что, как писали позднее критики, вместе с нею умер весь старый, эксплуататорский строй. Может, старый, эксплуататорский строй и умер, а вот Вассу все-таки жаль. Было жалко, что такая веселая, задорная, умная, энергичная женщина вынуждена черт знает чем заниматься, черт знает на что тратить время.

Потом, перечитывая Горького, я поняла, что Горький тоже любил Вассу. Любил Маякина, Игната Гордеева — живых, энергичных людей. Они не столько творили зло, сколько были творимы злом, были невольными соучастниками его.

Васса всему бросала вызов, презирала то, что много отношения и не заслуживало, она была задириста и насмешлива, и это делало ее обаятельной. И тогда впервые мелькнула у меня мысль: неужто зло бывает обаятельным?

Позднее Фанна Григорьевна напишет, что образ Вассы ей не удался.

«Я много занималась вульгарной социологией и недостаточно вникала в самую пьесу, где, как во всяком высоком произведении искусства, глубоко скрыта тенденция. Основной моей ошибкой было желание сгладить противоречия образа... И если бы мне сейчас пришлось снова сыграть Вассу Железнову, я не стала бы сглаживать ни одного противоречия, а напротив, стремилась бы всячески подчеркнуть их в этой гениальной пьесе Горького...»

ская, но я думаю, что все увидели каким-то чудом сыгранную актрисой правоту перед самой собой и прямо пропорционально прочувствованную, впервые осознанную неправоту перед ними — «лисичками».

«Лисички» — далекое воспоминание, но оно оживает ныне, когда смотришь спектакль «Дальше — тишина» В. Дельмара на сцене Театра имени Моссовета.

Прошли годы, десятилетия... Сегодня моей любимой актрисе исполнится 75 лет, но героиня Раневской осталась все той же. В ней все та же стойкая человечность, та же наивность, чистота души, которая не всегда противостоит и не всегда активно борется со злом, но которая всегда оказывается вне этого зла, не выше, не ниже, а просто вне его. Поэтому Люси Купер переживает кульминацию своих взаимоотношений с черствыми, эгоистичными детьми вовсе не в том месте, где она «написана» автором. Кульминация, по Дельмару, торжество добра над злом, — это другая сцена, несколько позже, это когда Люси Купер и ее муж перед долгим, может быть, вечным расставанием встречаются в ресторане и вспоминают молодость, первые дни супружеской жизни, думают о счастье и взаимопонимании, ко-

силы. Я знаю только, что всегда она играет личность, проявляющуюся в слабостях, в мужестве, в любви, в сочувствии.

«Меня всегда привлекали образы «неустроенных», обойденных счастьем, но непременно сильных, интересных людей, богатых и сложных натур. Несчастья и слабости бесцветных, серых людей, даже их «трагическая» неустроенность не вызывает во мне ни сострадания, ни любопытства», — писала Раневская.

Роза Скороход в фильме «Мечта» — в общем-то комический персонаж, с ее бесконечным уважением к себе за то, что она владелица «собственного предприятия». Она так одевается, когда выходит на улицу, и такая у нее походка, такое торжество на лице при встрече с людьми, стоящими на низшей социальной ступеньке! Этим красок вполне было бы достаточно любой актрисе, задумавшей воплотить в Розе Скороход карикатуру на такого человека. Но Раневской этого явно недостаточно. Роза Скороход в исполнении Фанны Григорьевны Раневской скорбна и страстна, она так убеждена в прочности своих «идеалов», что поднимается до истинного страдания, когда эти ее «идеалы» рушатся. Неумные силы ее истрачены на низменные и ничтожные цели, но она так искренне и глубоко пережи-

имущество. Вся ее чистота и тонкость сейчас поставлены на службу этой игре со скупостью и жестокостью.

Однажды, отвечая на вопрос «Какая кинокомедия вам нравится больше всего?», Фанна Григорьевна Раневская ответила: «Чаплинская. Смех, залитый слезами». И на вопрос «Что вас в жизни рассмешило больше всего?» последовал ответ: «То, над чем мне меньше всего хотелось бы смеяться».

В этих словах раскрывается большая человеческая мудрость, которая поднимается над счастьем и несчастьем человека в равной степени. И не потому, что все брэнно в этом мире. Нет, здесь нет улыбки скептицизма. Но я вижу «улыбку» актрисы почти в каждой из сыгранных ею ролей, улыбку там, где суета именуется жизнью, «счастье» обрывается при ближайшем рассмотрении несчастьем, там, где «удовольствия» оставляют досаду и разочарование...

Это свойство таланта Фанны Григорьевны Раневской вне амплуа, оно не имеет названия. Просто ей подвластны все оттенки, все краски, которые в ее воплощении сливаются в гармонию жизни и искусства.

Нонна ДРУЯН

живая память

«СТИХИ, ДРУЗЬЯ МОИ, СТИХИ!»

Всего лишь пятнадцать дней прошло со дня казни декабристов — и вдруг новое «высочайшее повеление» взбудоражило умы общества. Выпускник Московского университета Александр Полежаев, написавший поэму «Сашка» — произведение, остро критиковавшее существующие порядки, — расплачивался за вольное слово солдатчиной. «...Это все еще следы, последние остатки; я их искореню...» — сказал по поводу поэмы Николай I. Но поэма продолжала жить... Недавно на родине поэта, в селе Рузаевка, Рузаевского района, Мордовской АССР,

воздвигнут памятник автору «Сашки». На открытие его пришли работники культуры, деятели литературы и искусства, земляки Полежаева. И снова звучали его вдохновенные строки:

Что ж будет памятник поэта?
Мундир?... Не может быть!.. Грехи!..
Они оброч другого света...
Стихи, друзья мои, стихи!

РУЗАЕВКА

М. БЫЧКОВ